

В ГАБТе опустили занавес Мариинки

С-110.
Мариинский театр

Гергиев-гала

20012

Итак, декларация о дружбе и сотрудничестве двух театральных гигантов провозглашена. По этому случаю зрители получили на сцене Большого концерт, на котором Москва (не видевшая Мариинский театр с тех пор, как два года назад он и ГАБТ обменялись гастролями) засиделась до полуночи. Валерий Гергиев привез тех, кого не билась с ног простуда, и составил такую программу, которая, по его мнению, не должна была наскучить. Выбранные для этого средства: маэстро не перемешал балет с оперой, а отпустил тому и другому по отделению, маэстро предпочел шлягеры из шлягеров, маэстро разбавил сольные номера в оперной части дуэтом и сценами. О результатах его трудов — ниже.

неузнаваем — беспримечательная традиция исполнения Бориса басами упустили его. И пусть на низке не кавалера мяса, путилинская работа — как сплав вокального и актерского — впечатляла. На этом занавес Мариинского театра (тоже привезенный с собой) опустился. До апреля, когда Гергиев привезет на "Золотую маску" "Золото Рейна" и "Дон Жуана".

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Этот танец лучше слушать, чем смотреть

После мощнейшей и торжественной увертюры к вагнеровскому "Тангейзеру", которую буквально обрушил на публику дирижер в начале второй части концерта, неожиданно бледной показалась западная по ориентации балетная программа, хотя и была она составлена интересно и нестандартно, без включения каких-либо сильно поднадоевших лебединых и донжиготских па де де. Из русского репертуара в ней присутствовало лишь "Видение розы" М.Фокина. За ним последовали любовный дуэт из первого действия балета "Манон" англичанина К.Макмиллана и лирический дуэт из балета американца Дж.Роббинса "В ночи". А Дж.Баланчин был представлен не только популярным па де де на музыку П.Чайковского, но и "Рубинями" на музыку И.Стравинского — средней частью его хореографического триптиха "Драгоценности". Другой вопрос, насколько удачным оказался подбор исполнителей, несмотря на то, что маринский балет показал свои лучшие силы. Отсутствовали разве что балетная "икона" театра Ульяна Лопаткина да две опытейшие балерины старшего поколения — Алтынай Асылмуратова и Юлия Махалина.

Что в маринском балете далеко не все благополучно с мужским составом, подтвердил и гала-концерт.

Трое на Олимпе, не считая дирижера

Большой гудел: у нас так петь не могут. Могут. Выйди не последние габтовские солисты с одной выигрышной для себя арией, и скажут: свет такой не знал. Разница в том, что маринец не потуживает и на пространстве целого спектакля, а у нас вокалисты целые спектакли пускают под откос (пример — "Онегин"). В чем секрет — известно даже младенцу. Поэтому нет смысла тянуть: героем и этого концерта питецез стал Гергиев. Пел, дышал, светил его оркестр — прибавляли в интересности и вокалисты. Хотя монологичной когорты — все, как один, в экстаз-форме, все, как один, творцы высокого полета — они не представляли.

Из 16 певцов (включая исполнителей ролей второго плана) на вершине обрелись трое. Первый — Сергей Алексахин, традиционно не блиставший красотой голоса, но берущий способностью к внутренней работе, не алчущий внешнего блеска, но достигающий глубины образа (Король Филипп). В этом смысле его совершенным антиподом стал Василий Герелло, о котором когда-то говорили: лирический баритон редчайшей красоты. Но

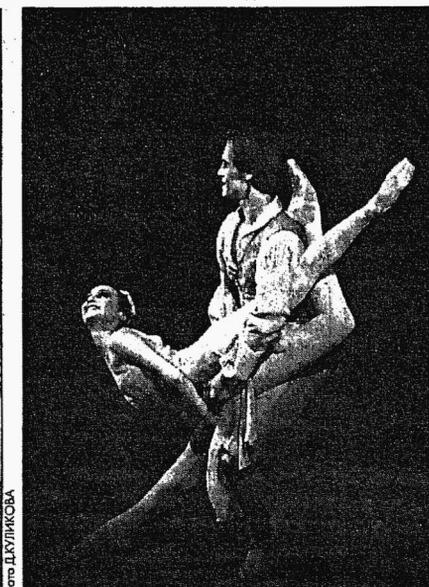
как красавица, не обремененная ни жизнью сердца, ни жизнью духа, с годами делается дурнушкой, так этот голос стал пуст. Даже Гергиев не мог вернуть ему многообразие красок, но железной рукой настроил певца на дуэт (Энрико и Лючия из "Лючия ди Ламмермур") мог. Во всем уступил Герелло мастерице жертвенной слезы, изысканной Ирине Джиовой, но — не в желании сделать ансамбль. После которого, впрочем, все равно — ей на Олимп, ему в толпу, пусть и избранных. Туда, где нервно бьется маэстро Мариинки Тарасовой (Рассказ Азучены), где мучается своей оперной ролью чудесный камерный тенор Даниил Штода (ария Вертера), где всего лишь коррекцию выводит Снегурочку Ольга Трифонова и где пребывает в мечтах о маэстро-сопрановой карьере сопрано Ирина Гордая, то убивающая непричесанностью звука Леонору из "Силы судьбы", то являющая лучше, что есть в Мариинском театре, — выразительность музыкального образа. Это — в "кабинетной" сцене из "Дон Карлоса", для которого, к слову, питецезы вели собственную декорацию. Для сцены из "Бориса", по счастью, делать того же не пришлось, он в текущем репертуаре Большого.

В московской декорации блистал третий олимпиец Мариинского театра — Николай Путькин. Голос почти

Никакого отношения к мистическому и таинственному образу призрак-ка розы (его секреты радио кому-то удрался разгадать) не имеет suave-тый, непозитивный Игорь Коло, который выступил с нейтральной петербургской "классичкой" Жанной Аюповой (партия Девушки). Героями миниатюры Фокина оказались дирижер, виолончелист да оркестр. Слушать веберовскую Триглавине к танцу! было намного приятнее, чем смотреть сами танцы...

Давно исполняет па де де Балачина — Чайковского виртуозный и атлетичный Игорь Зеленский, но танец его в последнее время стал более тяжеловесным и менее точным. Прекрасной баланчинисткой проявила себя в "Серенаде" и "Аполлоне" его партнерша Светлана Захарова, хотя представленное на гала-концерте па де де не очень-то подходит длиннорукой и длинноногой балерине: времязани она чувствует себя неутоно, даже неуклюже в этом номере, поскольку его хореографический текст — искристый и темповый — рассчитан на балерину типа Виолетт Верди. А драматичному дарования Ирины Никорадзе — интереснейшей Мехмене Бану — чужд восторженно-эмоциональный и изысканный по стилистике "английский дуэт" Манон и кавалера де р'ие. Да и Илья Кузнецов в этом номере проявил себя надежным партнером — и только. На тонкую, настоящую балерину, а не простую солистку, какой является Софья Гумерова, рассчитан и робинзонский дуэт из балета "В ночи" на музыку Ф.Шопена, который Гумерова исполняла в паре со сдержанно-элегантным Евгением Иванченко. Невольно вспоминаю баланчинских балерин, парижских звезд, первых исполнительниц дуэта (как и балета в целом) в самой Мариинке...

Древние утверждали, что у каждого драгоценного камня свои самовлика, своя магическая сила. Есть она и в "Драгоценностях" Дж.Баланчина. Недаром "Рубины" на "Каприччио" И.Стравинского — их центральная сцена. Она показалась самой интересной и на премьере в Мариинском театре. Но вырванная из контекста балета, она многое утратила в концертном исполнении. Менее яркими и глубокими показались ее хореографические шутки и особенно парадоксы, которые особенно выделяются на фоне двух других частей — романтических "Изумрудов" и классичных "Бриллиантов". Очень старались и даже сильно перестарались балерина Диана Вишнева и ее партнер Вячеслав Самодуров. Невольно в спортивно-напористом танце Вишневой проявились не лучшего вкуса эстрадные интонации, а Самодуров предстал откровенно гротесковым танцовщиком. Подобное не наблюдалось на премьере в Мариинском театре. Помимо и Майю Думчанко в третьей сольной партии балета: на гала-концерте в трактовке Татьяны Амосовой эта роль показалась пустым местом. Героями "Рубинов" опять-таки оказались пианистка и оркестр Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева, который, вне сомнения, победно переиграл всех своих балетных звезд.

Слева: В.Гергиев. Увертюра к опере "Тангейзер".

Справа: С.Захарова и И.Зеленский. Па де де на музыку П.И.Чайковского

Виолетта МАЙНИЕЦЕ